

Пятнадцатый день двенадцатого лунного месяца. Горный ветер хлестал по лицу, словно наждачная бумага, в которую втерли ледяную крошку. Каменные ступени, ведущие от Академии Цинъюнь к подножию горы, покрылись тонким слоем инея — каждый шаг по ним был холодным и скользким.

Линь Фу, преодолев этот путь, снова поднялся к обители. Помимо двух огромных коробов с теплой зимней одеждой и праздничными угощениями, он привез письмо из дома — от него веяло столичным теплом, а на бумаге виднелись следы материнских слез.

Линь Янь, скрестив ноги, сидел на своей кровати, застеленной толстым шелковым матрасом, и вскрыл увесистый конверт. Почерк отца оставался таким же твердым и энергичным, как всегда, но в строках сквозило непривычное беспокойство.

Янь-эр, сын мой: до конца года осталось совсем немного, и весь дом ждет твоего возвращения. Твоя мать места себе не находит, каждый день проливает слезы перед ликом Будды, осунулась и побледнела. Ее Величество императрица также неоднократно спрашивалась о тебе, передала из дворца подарки к празднику — ждем, когда ты вернешься и сможешь ими воспользоваться. В столице сейчас царит праздничное оживление, открылись ярмарки фонарей, повсюду представления... Надеюсь, мой сын поскорее вернется домой, чтобы утешить сердца родителей и вновь разделить с нами семейное счастье.

Письмо было длинным. В нем отец подробно описывал столичную суету, рассказывал, как мать плачет над детскими вещами сына, как сестра бережет для него засахаренные фрукты, присланные из дворца, и как искусно в доме смастерили новые стеклянные фонари-вертушки. Каждое слово было пропитано такой глубокой тоской и надеждой, что они казались сотнями теплых ладоней, тянущихся из-за бумаги, чтобы вырвать его сердце из холодной дали и вернуть в тот уютный, шумный дом.

Читая, Линь Янь чувствовал, как щиплет нос. Он отчетливо представил мать, опирающуюся на дверной косяк и утирающую слезы, отца, который расхаживает по кабинету, пытаясь сохранить невозмутимость, и сестру с той самой вазой прозрачных, приторно-сладких фруктов... А еще — шум и гам в доме, где повсюду развешаны фонари и спуют слуги. Это было место, где он вырос, его родной дом.

Сильное, почти невыносимое желание вернуться нахлынуло на него, ударив в самое сердце. Он скучал по матери, по отцу, по сестре, по теплоте полу в родных покоях и бесконечным лакомствам.

Он сжал письмо так сильно, что костяшки пальцев побелели, а кончики стали синюшными. Бумага в его руках тихо хрустнула.

Линь Янь резко поднял голову и, словно тонущий, ищущий спасительную щепку, устремил взгляд к окну.

Там сидел Се Сяо.

Скудный и бледный свет зимнего дня пробивался сквозь запыленную бумагу окна, скупно ложась на его фигуру. Он был одет в застиранный до белизны, тонкий хлопковый халат цвета индиго. Его стан оставался прямым, но от него исходило неистребимое ощущение холода и одиночества.

Слегка опустив голову, он был полностью поглощен чтением. Его длинные тонкие пальцы плавно перевернули страницу, издав отчетливый, монотонный шорох. Этот звук был единственным в тишине учебного корпуса.

Он казался изваянием из нефрита, забытым в пыльном углу времени — холодным и безупречным. Ни тепла, ни ожиданий, ни малейшей связи с надвигающимся праздничным шумом, который уже начинал захватывать мир за пределами этих стен.

В голове Линь Яня невольно возникла четкая, как наяву, картина: новогодняя ночь.

Пустой, промерзший учебный корпус «Чжу». Единственная масляная лампа с тусклым, желтоватым огоньком, с трудом освещающая край стола. На столе — миска с давно остывшей лапшой, покрывшейся коркой застывшего жира. Се Сяо сидит в одиночестве в своем старом халате, выпрямив спину, и держит в руках книгу. А снаружи — оглушительные залпы хлопушек и далекий смех, отчего этот маленький пятючок тишины кажется пугающим. Его одинокая, вытянутая сумраком тень напоминала ледяной шип, вонзенный в холодную ночь.

Этот образ, словно ледяной кинжал, вонзился в сердце Линь Яня, которое только что согрелось домашним письмом!

Линь Янь судорожно вдохнул. Сердце сжалось от боли, словно его стиснула невидимая ледяная рука. Только что возникшее желание вернуться мгновенно разбилось о незримую холодную стену.

Уехать? Вернуться в тот теплый, шумный дом, где его все обожают?

Остаться? Остаться в этом холодном, как склеп, корпусе рядом с этим... ледяным изваянием?

На одной чаше весов были родные люди, которые любят его и ждут каждый день, тепло и забота, которые можно получить без труда.

На другой — Се Сяо.

Он еще не успел как следует расположить его к себе! Что, если за эти два месяца они станут чужими? Что, если родители дома снова сделают что-то, что настроит против них будущего первого министра? Но важнее всего было другое: если он уйдет, Се Сяо останется один. Будет смотреть на четыре стены, грызть холодные лепешки и слушать чужое веселье, охраняя эту мертвую тишину.

Пальцы Линь Яня задрожали. Вина, словно лиана, обвила сердце, не давая дышать.

Вина перед родителями и... жалость к Се Сяо? Или привязанность? Он не мог подобрать слов, но от той холодной картины в груди становилось так тяжело, что это было в сто раз хуже, чем остаться без любимых сладостей.

Две противоположные силы терзали его душу. Он раздраженно взъерошил волосы и принялся мерить шагами тесную комнату, словно запертый в клетку зверек.

Взгляд метался от строк матери «каждый день проливает слезы перед ликом Будды» к спокойной, одинокой фигуре у окна.

Время утекало в безмолвных муках. Небо за окном сменило бледность на серо-синие сумерки.

Снаружи раздался голос смотрителя академии:

— Господин Линь, почтовая карета в столицу отправляется в конце часа обезьяны (пять часов вечера), поторопитесь, если хотите отправить письмо!

Голос смотрителя прозвучал как гром, пробудив Линь Яня от оцепенения.

Он резко остановился, тяжело дыша. В последний раз его взгляд с отчаянием метнулся между письмом и Се Сяо.

Наконец, словно загнанный в угол зверь, он издал едва слышный рык и бросился к столу!

Схватил кисть!

От резкого движения капля туши сорвалась с кончика и с глухим стуком упала на чистый лист бумаги для ответа, быстро расплываясь черным пятном, подобно его собственным запутанным мыслям.

Ему было уже не до этого!

Кисть с силой опустил на бумагу. С отчаянием обреченного, вперемешку с паникой и стыдом, он вывел кривые строки рядом с чернильной кляксой:

Отец, мать, с глубоким почтением кланяюсь вам: у сына в академии все хорошо, лишь... лишь учеба невероятно тяжела, наставник требует предельного усердия... В преддверии праздника боюсь запустить занятия и не оправдать ваших ожиданий... Поэтому... поэтому решил остаться в академии для усердного чтения, чтобы полностью посвятить себя наукам... На праздник... домой не вернусь. Умоляю родителей беречь здоровье и не беспокоиться обо мне. Ваш

непутевый сын Янь кланяется вам снова и снова...

Каждое слово давалось с трудом, словно он тратил все свои силы. Когда он писал «не вернусь», кончик кисти едва не прорвал бумагу.

Закончив последний иероглиф, он почувствовал, как из него вынули все кости, и с силой бросил кисть на стол. Раздался резкий щелчок.

Письмо с еще не просохшими чернилами лежало на столе. Это безобразное пятно и кривой почерк были отражением его невыразимой вины и тайного страха.

Он не осмеливался взглянуть на него. В груди словно раскалилось клеймо — горячо и больно, дыхание перехватывало.

Схватив письмо, он почти выбежал из корпуса, сунул его в руки ожидавшему зрителю и хрипло бросил:

— Отправьте... отправьте скорее!

Затем развернулся и побежал прочь, словно преступник, бегущий с места злодеяния, не смея задержаться ни на миг.

...

Бах!

Дверь корпуса «Чжу» распахнулась с глухим стуком, ударившись о стену.

Линь Янь влетел внутрь, словно порыв ветра. Грудь тяжело вздымалась, а щеки горели неестественным румянцем от бега и волнения.

Он стоял в дверях, жадно хватая ртом воздух, но глаза его сияли так ярко, словно в них вспыхнули два пламени, устремленных на фигуру у окна.

— Брат Се!

Его голос, чистый и звонкий, прозвучал в тишине корпуса, словно освобождение после долгих сомнений:

— В этом году я не поеду домой! Я остаюсь здесь! Буду встречать праздник с тобой!

Последние слова прозвучали как незыблемая клятва.

У окна.

Пальцы Се Сяо, перелистывавшие страницу, в ту же секунду замерли в воздухе!

Четко очерченный, всегда спокойный указательный палец так и завис в полудюйме от бумаги. Время словно остановилось.

Он медленно, очень медленно поднял голову.

В его взгляде, обычно спокойном, как глубокий омут, теперь бушевали сложные, едва различимые волны, словно в воду бросили огромный валун.

Изумление, неверие, легкое замешательство... и что-то еще более глубокое, бурное, что накрыло его с головой после этого внезапного признания, — все это отражалось в его темных глазах.

Он так и смотрел на него — взгляд его был глубоким, как бездонная ледяная бездна, прикованный к запыхавшемуся юноше, чьи глаза сияли пугающим блеском.

Казалось, он пытался заглянуть под оболочку, чтобы увидеть ту немыслимую мысль, что заставила его принять такое решение.

В корпусе воцарилась мертвая тишина.

Слышно было лишь тяжелое дыхание Линь Яня и то, как его собственное сердце бешено колотилось о ребра.

Сумерки вливались в окно, растягивая их тени на холодном полу.

Молчание тянулось и сгущалось в душном воздухе.

Линь Янь почувствовал, как от такого взгляда по спине пробежал холодок, и тот запал, что подпитывал его решимость, начал угасать, как проколотый шар.

Он невольно облизнул пересохшие губы, пытаясь придумать, что сказать, чтобы разбить эту пугающую тишину.

И как раз в тот момент, когда он был готов сдаться под гнетом этого тяжелого взгляда, губы Се Сяо едва заметно дрогнули.

Низкий, почти неразличимый, но исполненный огромного веса звук сорвался с его губ, упав в

тишину комнаты:

— ...Хорошо.

<http://bllate.org/book/19996/1971900>